

ФОРМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ: ОПЫТ СИСТЕМНОЙ ТИПОЛОГИИ

Е.А. Тюгашев¹

*ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет»*

г. Новосибирск, Россия

E-mail: filosof10@yandex.ru

***Аннотация.** В статье обсуждаются актуальные вопросы социально-философского учения об общественном сознании. Предложено дифференцировать виды, формы и уровни общественного сознания. Форма общественного сознания характеризуется как внешняя рефлексия социума, проецирующая на мир определенный вид общественных отношений.*

***Ключевые слова:** В.Н. Борисов, В.П. Фофанов, социальная философия, общественное сознание, рефлексия.*

В российской социальной философии сохраняет определенное методологическое значение концепт формы общественного сознания. В настоящее время он активно применяется для характеристики правосознания, политического сознания, морали, искусства, культуры, науки, религии, науки, мифа и др. Очевидно, что в качестве форм общественного сознания идентифицируются разнородные феномены духовной жизни. Это признак недостаточной определенности концепта. Задача данной статьи состоит в уточнении оснований систематизации форм общественного сознания, осуществляемой при неопределенности понятия общественного сознания.

Форма общественного сознания – квазипонятие?

Подобная неопределенность присуща так называемым «допредметным» понятиям, вырабатываемым на этапе первичных теоретических концептуализаций эмпирического объекта [12, С. 79–80]. Дальнейшее конструирование целостной теоретической системы интегрирует и упорядочивает допредметные понятия, позволяет уточнить их логические связи и содержание. Некоторые допредметные понятия (например, «эфир», «флогистон») могут признаваться фиктивными, фиксирующими видимость явлений.

Не исключено, что таким квазипонятием выступает понятие формы общественного сознания. Косвенным признаком данного эпистемологического статуса является крайне редкое обращение к представлению о формах общественного бытия. Это крайне странно при наличии канонической категориальной связи общественного бытия и общественного сознания. Повидимому, не случаен и тот факт, что составители философских словарей и энциклопедий не включают в свои словники термин «форма общественного сознания», хотя там находится место формам жизни, формам движения материи, формам знания. Впрочем, авторы энциклопедических и словарных статей термином «форма общественного сознания» в своих текстах оперируют активно.

Следовательно, это «работающее», рабочее понятие. Но пытаться дать ему точное определение – задача бесперспективная. Как квазипонятие оно все равно будет снято при систематизации эмпирического и теоретического материала и замещено более удобными терминами. Но прежде оно должно выработать свой концептуальный ресурс и сформировать предпосылки для введения понятий, системных для социально-философской теории.

Теоретическое конструирование данной теории не следует рассматривать как произвольную спекулятивную деятельность, ограничивающуюся формальными, условными определениями. Любые теоретические различия должны быть эмпирически значимыми. И,

¹ ТЮГАШЕВ Евгений Александрович – доктор философских наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного права Института философии и права ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет»

наоборот, разнотипные эмпирические объекты должны быть представлены в репрезентациях разного уровня. Поэтому теоретическое конструирование и эмпирическая систематизация взаимообусловлены, а познавательное движение между эмпирическим и теоретическим уровнями итеративно. Следовательно, эмпирическая систематизация имеет самостоятельную ценность даже при неясности ее теоретических предпосылок.

Слабые звенья учения об общественном сознании

Справедливо отмечено, что разработанная в советской философии модель структуры общественного сознания «до сих пор не имеет альтернатив и используется в качестве базисной в современных исследованиях» [3, С. 38]. В этой модели при «сортировке» феноменов общественного сознания различали формы и виды общественного сознания, а также его уровни и сферы. Но, как отмечал наиболее авторитетный советский исследователь общественного сознания А.К. Уледов, единой трактовки в понимании его структуры не сложилось. Выделение отдельных компонентов общественного сознания и выявление взаимосвязей между ними он считал слабыми – причем в равной степени слабыми – звеньями в его исследовании [8, С. 414].

Причину данных проблем А.К. Уледов видел в отсутствии единых критериев структурирования, обусловленном многоаспектностью описания общественного сознания. Он указывал на гносеологический, социологический и конкретно-исторический аспекты [8, С. 413]. И в каждом из них используются специфические критерии (например, по предмету и способу отражения – в гносеологическом аспекте). Следовательно, можно выделить еще два слабых звена – множественность критериев структурирования общественного сознания и многоаспектность его анализа.

На наш взгляд, это чисто технические (методические) затруднения, возникающие в феноменологии любого объекта. Многоаспектность в любом случае неизбежна, а критерии можно соотнести и упорядочить при систематизации описания, применив принцип восхождения от абстрактного к конкретному.

С социально-философской точки зрения важнее другое: в каких понятиях необходимо отображать феномен общественного сознания в предмете именно этой дисциплины? Это актуально в перспективе перехода от допредметного этапа теоретического моделирования к предметному этапу, исходящего из базисных понятий философской дисциплины.

В связи с этим обращает на себя внимание дисциплинарная идентичность сложившихся аспектов анализа общественного сознания. Это гносеология, социология, история. Когда выделяют общественную психологию как уровень общественного сознания, то это еще и психология. Различение предмета и способа отражения ведет к выделению онтологического и методологического аспектов. Интерпретация культуры как формы общественного сознания вводит аксиологический аспект, поскольку культуру принято определять в качестве совокупности норм-ценностей. И этот список дисциплин не исчерпан.

Внимательное рассмотрение указанных аспектов анализа общественного сознания не позволяет отнести их к социальной философии (в традиционном понимании ее границ). Отмечаемая многоаспектность проявляется как научно-философская мультидисциплинарность. А собственно социально-философский аспект, как оказывается, в ней отсутствует? И можно ли считать необходимым для социальной философии анализ общественного сознания «через призму единства гносеологического и социологического аспектов» [8, С. 416]?

Но все не так драматично, как может показаться при сугубо формальном критическом подходе к оценке сложившейся исследовательской традиции.

Во-первых, исторический материализм понимался и как социальная философия, и как общетеоретическая социология. А деятельность и общественные отношения как критерии структурирования едва ли мы обнаружим в современной теоретической социологии. Следовательно, это критерии относятся к социально-философскому аспекту.

Во-вторых, выделение гносеологического аспекта в анализе общественного сознания можно интерпретировать как функцию социальной гносеологии, которую предложено позиционировать как раздел социальной философии. Достаточно учесть, что предмет и способ отражения являются структурными моментами процесса социальной деятельности. Спецификация социального субъекта отражения как момента этого же процесса деятельности

позволит дифференцировать обыденное сознание и идеологию.

Следовательно, еще одним слабым звеном учения об общественном сознании является неадекватная рефлексия дисциплинарного статуса аспектов анализа его собственного содержания. Более точная рефлексия, с одной стороны, может легитимировать социально-философски переосмысленное различие гносеологического и социологического аспектов, а с другой стороны – позволит более полно их использовать для дифференциации элементов общественного сознания.

Приоритетность «социологического» аспекта

Итак, если признать социально-философский статус «гносеологического» и «социологического» аспектов, то возникает вопрос об очередности их применения в описании общественного сознания. Сложившаяся традиция паритетного – двухаспектного, «гносеолого-социологического» – анализа общественного сознания приемлема на допредметном этапе социально-философского теоретизирования. С переходом к построению систематической социально-философской теории необходимо определить последовательность этапов структурирования на основании того или иного аспекта.

Со всей определенностью эта проблема ранее не ставилась. Но отдельные исследователи высказывали предпочтения в пользу приоритетности как «гносеологического», так и «социологического» аспектов. Да и гипотетически присущая допредметному этапу рядоположенность анализа де-факто не могла быть реализована, так как требовалось определенная логическая последовательность поаспектного изложения результатов исследований.

А.К. Уледов косвенным образом высказался в пользу «социологического» аспекта. На его взгляд, «общественные отношения и деятельность являются достаточно универсальными критериями структурирования общественного сознания» [8, С. 415]. Я также сформулирую несколько аргументов в пользу данного заключения.

В-первых, общественное сознание есть собственно социальный феномен. Поэтому логично первоначально зафиксировать детерминирующий его социальный контекст.

Во-вторых, прежде чем выделять, например, политическое сознание по политическим отношениям как «предмету отображения», необходимо дифференцировать виды общественных отношений. А когда будут выделены последние, то автоматически структурируются и опосредствующие их виды общественного сознания.

В-третьих, как отмечалось выше, различие предмета и способа отражения проводится в парадигме деятельности. Следовательно, первоначально следует систематически описать систему деятельности, а затем опосредствующее ее отражение (внутреннюю рефлексия). При этом важно определить, что понимать под предметом деятельности (и отражения), а также установить основания дифференциации способов отражения. Произвольное выделение предметов и способов отражения, как и других моментов процесса деятельности, приведет к дурной бесконечности в силу возможной фиксации этих моментов на уровне единичного.

Таким образом, при структурировании элементов общественного сознания приоритетным является «социологический аспект», основывающийся на типологии общественных отношений и деятельности.

Виды общественного сознания

А.К. Уледов указывал, что «при структурировании общественного сознания важно опираться на диалектику деятельности и отношений» [С. 415]. В использовании этой диалектики также важно понять методологическую значимость различия между деятельностью и общественными отношениями как критериями структурирования.

В восхождении от абстрактного к конкретному формальным приоритетом обладает критерий деятельности, так как само общественное отношение реконструируется как сложная система социальной деятельности. Но на допредметном этапе построения социально-философской теории последовательность систематизации элементов общественного сознания является обратной. Сначала следует обратиться к типологии общественных отношений, что и делает А.К. Уледов, указывая на коррелятивность структуры общественного сознания и структуры общественных отношений: «Политическим отношениям, например, соответствует

политическое сознание, нравственным – моральное сознание и т. д.» [8, С. 414].

Однако, применение критерия общественных отношений затруднено, по мнению А.К. Уледова, недостаточной разработанностью теории общественных отношений. С этим мнением нельзя не согласиться. Но в то же время следует признать наличие определенного уровня разработанности данной теории, позволяющего предварительно классифицировать элементы общественного сознания.

Продолжая его «и т. д.», следует констатировать, что правовым отношениям соответствует правосознание, экономическим отношениям – экономическое сознание, гендерным отношениям – гендерное сознание и т. д. Иначе говоря, каждому виду общественных отношений соответствует определенный вид общественного сознания. Такое соответствие существует в силу того, что общественное отношение есть взаимодействие сознательных социальных субъектов. Следовательно, каждый вид общественных отношений включает содержит в своей структуре соответствующий вид общественного сознания как необходимый структурно-функциональный компонент.

Понятие вида общественного сознания для обозначения данных структурных элементов представляется удобным использовать потому, что концепт формы общественных отношений не получил распространения. Чаще говорят о видах общественных отношений. Следовательно, для включенного в их состав общественного сознания целесообразно использовать типологическую единицу «вид».

Для первоначальной типологии видов общественных отношений и соответствующих им видов общественного сознания удобно использовать базисно-надстроечную модель социума (см. рис. 1).

Рис. 1. Базисно-надстроечная модель социума

Использование базисно-надстроечной модели социума в приведенном варианте устраняет ряд проблем в описании общественного сознания.

Во-первых, виды общественного сознания однозначно «привязываются» к тем видам общественных отношений, в структуру которых они входят. Поэтому не существует видов общественного сознания, « витающих » где-то над базисом. Так, правосознание входит в состав системы правовых отношений – «юридической надстройки». Соответственно, мораль есть нравственное сознание, то есть компонент системы нравственных отношений.

Во-вторых, все виды общественных отношений опосредованы соответствующими видами общественного сознания. Не существует видов общественных отношений без включенных в их состав видов общественного сознания. Так, трудовые отношения – отношения разделения и кооперации трудовой деятельности – опосредованы трудовым (технологическим) сознанием.

В-третьих, «отфильтровываются» те структурные элементы общественного сознания,

которые по критерию принадлежности к видам общественных отношений не могут быть классифицированы как виды общественного сознания. Таковы, например, наука, религия и философия. Последние «обслуживают» все виды общественных отношений. В частности, поэтому есть и политическая наука, и политическая теология, и философия политики.

Формы общественного сознания

Каждый вид общественного сознания может существовать в той или иной форме – научной, религиозной, художественной и т. п. Поэтому искусство, например, интерпретируется как форма общественного сознания в целом, независимо от того, какой вид общественного сознания оно оформляет.

Таким образом, из перечня «форм» общественного сознания, предложенного в последней систематической монографии на эту тему [10], собственно к формам относятся только искусство, наука, религия и философия, а мораль, политическое сознание и правосознание относятся к видам общественного сознания. Указанное различие между видами и формами общественного сознания эмпирически очевидно и интуитивно ясно. Но основания выделения именно форм общественного сознания фиксируются противоречиво.

Например, В.С. Барулин писал о том, что философия и религия являются мировоззрениями, хотя и различного типа [1]. В данном случае он ассоциировал эти формы по общему объекту отображения – миру в целом. А науку он специфицировал по способу отражения действительности – теоретико-понятийному [1]. Но наука также выступает мировоззрением. Да и признак теоретико-понятийного отражения не отличает науку от философии и теологии как теоретического уровня религиозного сознания.

Усиливая тезис В.С. Барулина, можно выдвинуть предположение о том, что формы общественного сознания объединяет общий объект отражения – мир. В этом состоит их отличие от видов общественного сознания (политического экономического, правового и др.), отражающих лишь содержание соответствующих видов общественных отношений. Все формы общественного сознания имеют мировоззренческий статус и по-разному выделяют свой предмет в мире как объекте. Гносеологическое различение объекта и предмета крайне важно при характеристике мировоззрений.

Способ отражения (или метод) также имеет отношение к спецификации мировоззрений. Известное наблюдение о методе как способе движения предмета интересно тем, что выделение предмета можно считать обусловленным методом, применяемым субъектом отражения. Какими же способами отражается мир в формах общественного сознания?

Для ответа на этот вопрос можно опереться на принцип единства предмета и метода познания. Но предварительно обратим внимание еще на одну дистинкцию. Когда В.С. Барулин писал о понятийном способе отражении мира, то, строго говоря, он имел в виду средства отражения. Следовательно, формы общественного сознания он специфицировал не по способу, а по средствам отражения. А в системе деятельности средства берутся из «обработанных» предметов – видов общественных отношений, уже осознанных в соответствующих видах общественного сознания.

Поэтому имеется необходимая и существенная связь между типологиями видов и форм общественного сознания. Спецификация последних под углом зрения генетической преемственности с конкретными видами общественных отношений позволяет установить взаимно-однозначную связь (см. рис. 2).

УТОПИЯ	Правосознание и правовые отношения	РЕЛИГИЯ	Мораль и нравственные отношения
ФИЛОСОФИЯ	Политическое сознание и политические отношения	ИСКУССТВО	Эстетическое сознание и эстетические отношения
НАУКА	Экономическое сознание и экономические отношения	МИФОЛОГИЯ	Семейно-родовое сознание и семейно-родственные отношения

Рис. 2. Позиционирование форм общественного сознания

Данная связь зафиксирована, например, в наблюдении А.Ф. Лосева о том, что мифология возникла как «фантастическое перенесение общинно-родовой формации на всю природу и на весь мир, когда все вещи оказываются живыми существами, объединенными к тому же родственными отношениями» [10, С. 459]. Соответственно, мировоззренческое ядро древних мифических представлений усматривается в «идее о космическом браке, из которого разворачивалась вся множественность мира» [11, С. 510]. Подобный механизм переноса действует в отношении всех форм общественного сознания.

Внутренняя и внешняя рефлексия: Г.В.Ф. Гегель – В.Н. Борисов

Выделенный механизм переноса (трансфера) в феноменологии общественного сознания фиксировался по-разному. Писали о проекции, конструктивизации, взгляде через призму, морфологической репрезентации, социоморфизме (антропоморфизме, техноморфизме и т.п.), использовании «основной метафоры», закреплении фигур практики в фигурах логики, снятии в онтологической схеме объекта организационной схемы деятельности.

К указанному можно также добавить, что виды и формы общественного сознания взаимосвязаны как внутреннее и внешнее. Вид общественного сознания опосредствует соответствующий ему вид общественных отношений, отображает его. Наряду с этим данный вид общественных отношений проецируется на весь мир, и мир описывается посредством категорий этого вида общественного сознания. Подобным образом И. Кант объяснял происхождение религии из нравственности. По его мнению, мораль формулирует идею морального законодателя, определяющего конечную цель мироздания [5, С. 81-82]. Таким образом, форма общественного сознания выходит за пределы порождающего ее вида общественных отношений и выступает внешним отражением, тогда как вид общественного сознания функционирует как внутреннее отражение.

В силу экстраполяции на мир и универсализации форма общественного сознания выступает именно формой (или режимом функционирования) всего общественного сознания. Поэтому каждый вид общественного сознания может существовать во всех его формах. Например, политическое сознание может быть и научным, и художественным, и эзотерическим (в варианте, например, конспирологии).

Можно также говорить об экстерииоризации отражения, перехода его из внутреннего пространства во внешнюю среду. Соотношение внутреннего и внешнего отражения зафиксировано, на мой взгляд, в концепции внутренней и внешней рефлексии.

Истоки этой концепции мы обнаруживаем у Г.В.Ф. Гегеля. Не останавливаясь на изложении его учения о рефлексии, обратим внимание только на характеристику внешней рефлексии. Ее суть он видел в предикатировании – приписывании субъектом готовых определений (предикатов) предмету [4, С. 136]. Полагая внешнюю рефлексия метафизика чисто субъективной, Г.В.Ф. Гегель указывал на наличие в предмете внутренней (объективной) рефлексии.

Как известно, для Г.В.Ф. Гегеля рефлексия была не самосознанием, а отражением вообще [11]. Это отражение бывает внешним и внутренним (самоотражение). «Существование есть непосредственное единство, – писал он, – рефлексии-в-самое-себя и рефлексии-в-другое» [4, С. 287]. Следовательно, внешняя рефлексия – это рефлексия-в-другое. Важно подчеркнуть, что она необходимо связана с внутренней рефлексией – рефлексией-в-самое-себя. Поэтому внешняя рефлексия субъекта не произвольна, а является экстерииоризацией внутренней рефлексии.

Насколько мне известно, В.Н. Борисов первый в советской философии обратил внимание на феномен внешней рефлексии: «...Все формы рефлексии в научном познании можно разделить, прежде всего, на внутренние и внешние. Первые включены в тот или иной

конкретный познавательный процесс и систему знания; вторые представляют собой осознание научного познания и его результатов как бы со стороны, хотя и в рамках науки в целом» [2, С. 10]. К сторонам, осуществляющим внешнюю рефлексию науки В.Н. Борисов отнес логику, методологию, теорию познания, науковедение, психологию научного творчества, историко-научные исследования.

Очевидно, что внешняя рефлексия не просто произвольным субъективным образом предикатирует те или иные проявления науки, а применяет в качестве познавательных средств категории различных дисциплин для выявления дисциплинарно значимых аспектов феномена науки.

Так и социум как субъект социального отражения не только рефлексивует себя в видах общественного сознания, но и отражает во внешней рефлексии весь окружающий мир. В формах общественного сознания мир предикативирован в категориях практики, конституирующей конкретные виды общественных отношений.

Изоморфизм форм общественного сознания

Формы общественного сознания принято сравнивать попарно, указывая наличие или отсутствие того или иного компонента (уровня) духовной деятельности. Обобщая сложившуюся исследовательскую практику, В.С. Барулин писал, что «каждая форма характеризуется специфическим соотношением обыденного сознания, психологии, теоретического уровня освоения действительности» [1].

Но с точки зрения абстрактной модели системы духовной деятельности [13, С. 69-85], пожалуй, ничего специфического – за исключением конкретно-исторического состояния – в этом соотношении нет. Усиливая тезис В.С. Барулина, можно утверждать, что каждая форма общественного сознания включает в себя психологию, обыденное сознание, теоретический уровень отражения, а также другие компоненты – наблюдательно-экспериментальную практику, стадии фундаментального и прикладного познания, популяризацию, инженерию и проектирование, массовое сознание и т. п. Какой бы компонент в одной из форм общественного сознания мы не выделили (например, музыкальное исполнительство), мы обнаружим его структурно-функциональные аналоги в других формах общественного сознания (например, воскресное проповедничество). Поэтому можно говорить об изоморфизме – тождестве структур – форм общественного сознания.

Проиллюстрируем данный изоморфизм на примере выделения эмоционального начала в каждой форме общественного сознания.

Эмоциональным началом философии традиционно считается удивление. Удивление относится к классу базовых (первичных, элементарных) эмоций. Предложенные к настоящему времени различные версии теории дифференциальных эмоций выделяют около десяти фундаментальных (основных) эмоций, среди которых страх, удивление, радость, гнев (злость), любопытство (интерес), печаль (грусть, горе), отвращение, презрение, стыд, вина, гордость, удовольствие, счастье и др. [15]. Существенно то обстоятельство, что спектр базовых эмоций ограничен. Поэтому каждая из восьми форм общественного сознания может быть соотнесена с конкретной базовой эмоцией.

В социальной философии проблема психологических корней форм общественного сознания в абстрактно-общем виде не ставится. Но в философии религии, например, еще в античности была предложена «теория страха». Она коррелятивна наблюдению о удивление как начале философии, хотя собственно «теория удивления» еще не сформирована. Наличие «теории страха» косвенно подтверждает обоснованность разработки «теории удивления». Существование таких теорий позволяет выдвинуть предположение о том, что психогенез каждой из форм общественного сознания начинается с конкретной базовой эмоции.

В философии языка с античности известна теория эмоционального происхождения языка, или «теория междометий». Правда она не конкретизирует базовую эмоцию, побуждающую к коммуникации. С учетом исследований коммуникативной деятельности у животных можно предполагать, что лежащая в ее основе базовая эмоция имеет положительный оттенок, информирует об успехе особи, прежде всего, в добывании корма. Из известных эмоций (или чувств) наиболее близка к этому эмоциональному состоянию гордость.

По различным свидетельствам, в отношении психогенеза науки будет справедлива «теория любопытства». Ученому присущи такие признаки любопытства (интереса) как избирательность восприятия, внимательность к подробностям.

В отношении психологических корней возникновения искусства может быть предложена «теория радости». «Искусство – это прежде всего радость...» – говорил М.К. Мамардашвили [7, С. 9].

Представляется возможным «вычислить» базовую эмоцию для мифологического сознания. Наиболее фундаментальные мифологемы – это хаос и порядок. Они соотносятся с архетипами чистого и нечистого (скверны) и разделяющей их границы (рубежа). Соприкосновение с нечистой сопровождается эмоцией отвращения (брезгливости, омерзения, гадливости). Отвращение может вызывать любое непривычное явление, нарушающее привычные границы и порядок. Поэтому можно предполагать, что отвращение – начало мифологии.

Истоком утопического сознания является базовая эмоция гнева. Она переживается как неприятие действительности, критическое отношение к ней, побуждающее к преобразованию. Заслуживает внимания наблюдение о том, что «большинство исследователей утопического мышления сходятся на понимании утопии как специфического способа мышления, имеющего тенденцию полного или частичного разрушения существующих устоев» [14, с. 126].

Эзотерика рождается из базовой эмоции печали (горя), переживания утраты чего-либо и желания каким-то образом восполнить непоправимую потерю.

В итоге эмоциональные корни форм общественного сознания можно представить в следующей сравнительной таблице (см. рис. 3).

УТОПИЯ	Гнев	Страх	РЕЛИГИЯ
ФИЛОСОФИЯ	Удивление	Радость	ИСКУССТВО
НАУКА	Любопытство	Отвращение	МИФОЛОГИЯ
ЯЗЫК	Гордость	Печаль	ЭЗОТЕРИКА

Рис. 3. Эмоциональные начала форм общественного сознания

Мы не будем приводить различные оговорки, проблематизирующие представленный результат. Это всего лишь возможная иллюстрация изоморфизма форм общественного сознания на уровне его эмоциональных истоков. Предложенная версия открывает перспективу унификации системно-генетического описания специфики и содержания форм общественного сознания с учетом концепций (например, «точек удивления» В.С. Библера), разработанных применительно к отдельным этим формам.

Таким образом, при типологизации феноменов общественного сознания в социальной философии необходимо дифференцировать несколько категориальных рядов (или категориальных гнезд):

- виды общественного сознания, выступающие внутренней рефлексией видов общественных отношений;
- формы общественного сознания, выступающие внешней рефлексией видов общественных отношений, то есть проекцией этих отношений на мир;
- уровни общественного сознания как внутренние структурные моменты духовной деятельности, инвариантные по отношению к видам и формам общественного сознания.

Список литературы

1. Барулин В.С. Социальная философия: Учебник. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. – 560 с. URL: http://www.logic-books.info/sites/default/files/barulin._socialnaya_filosofiya.pdf.
2. Борисов В.Н. Рефлексия в науке: гносеологическая природа, формы, функции // Проблемы рефлексии в научном познании. – Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1983. – С. 7-13.
3. Гаврилов А.А. Современные тенденции в методологии исследования общественного сознания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 2 (28): в 2-х ч. Ч. I. – С. 37-40.
4. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. – М.: Мысль, 1974. – 452 с.
5. Кант И. Трактаты и письма. – М.: Наука, 1980. – 709 с.
6. Лосев А.Ф. Мифология // Философская энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1964. – Т. 3. – С. 457-467.
7. Мамардашвили М.К. Беседы о мышлении. – М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2015. – 812 с.
8. Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: действительность, материальная основа, первичное и вторичное. – М.: Наука, 1981. – 432 с.
9. Мильков В.В. Язычество // Новая философская энциклопедия: В 4 т. – М.: Мысль, 2010. – Т. IV. – С. 510-511.
10. Общественное сознание и его формы / Общ. ред. В.И. Толстых. – М.: Политиздат, 1986. – 367 с.
11. Тюгашев Е.А. Рефлексия как отражение: случай основной метафоры // Рефлексивные процессы и управление. Сборник материалов IX Международного симпозиума 17-18 октября 2013 г., Москва / Отв. ред. В.Е. Лепский. – М.: «Когито-Центр», 2013. – С. 39-42.
12. Фофанов В.П. Социальная деятельность как система. – Новосибирск: Наука, 1981. – 305 с.
13. Фофанов В.П. Социальная деятельность и теоретическое отражение. – Новосибирск: Наука, 1986. – 189 с.
14. Шестаков А.А., Адонина А.В. Архитектурно-градостроительная утопия как проективный идеал // Вестник ТГУ. Серия «Философия». – 2018. – № 1. – С. 123-131.
15. Ortony A., Turner T.J. What's Basic About Basic Emotions? // Psychological Review. – 1990. – No. 3. – P. 315-331.

FORMS OF SOCIAL CONSCIOUSNESS: EXPERIENCE IN SYSTEM TYPOLOGY

E.A. Tyugashev²

Federal state autonomous educational institution of higher education

“Novosibirsk national research state university”, Novosibirsk

E-mail: filosof10@yandex.ru

Annotation. *The article discusses key issues of socio-philosophical teaching on social consciousness. It is proposed to differentiate types, forms and levels of social consciousness. The form of social consciousness is characterized as an external reflexion of society, projecting a certain type of social relations on the world.*

Keywords: *V. N. Borisov, V. P. Fofanov, social philosophy, social consciousness, reflexion.*

² TYUGASHEV Evgeny Alexandrovich – doctor of philosophy, associate Professor of the Novosibirsk State University